

Ш О Д У Н А В К А

№ 51.

Београдъ 31. Децембра.

1846.

З И М А.

Снѣгъ пада и вѣтрина хучи,
 Благо томе тко се садъ немучи,
 Већ у миру онъ благуе жудно,
 Што в негда задобью трудно.
 Небои се циче ни фортуне,
 Нит' се јада, нити кога куне.
 Кадъ мењава одъ свуда запуца,
 Да каменъ и дрвеће пуца,
 Наслађава с' тихиѣмъ покоиомъ.
 Са женицомъ и дѣчицомъ своиомъ.
 Весело е и срце му пѣва,
 Ђрѣ одъ глади онъ сада неѣва.
 Уђешъ ли му у пространу кућу,
 Ил' у стаѣ, ил' у собу врућу,
 То ћешъ видит' свако изобилъ
 И благословъ, кои небо шилъ.
 Све е чисто, уређено, красно,
 Нит' в чему мане наћи ласно.
 Свачега му Богъ дао за доста,
 Има чиме дочекати госта:
 Ђрѣ онъ зяла продавао нѣ,
 Кадъ с' посао око главе вѣ. —
 Но тко с' оно по мењави гурн,
 А безъ капе глава му се пури?
 Оно ти е лењштина убога,
 — Смакао се са свиѣта тога! —
 Нит' в им'о нит' ће имат' среће,
 Ђрѣ в ево долино веће.
 Кадъ се оре, жанъ и скупљава,
 А онъ онда по најболъ спава;
 Све што има даде у меану,
 Па садъ незна на коју ће страну.
 Већ се туца и у прси бѣе:
 „Сиротиньо да те Богъ убѣе!“
 Ал' залуду све су твоѣ муке,
 Ђрѣ су криве окапале руке,
 Што с' немичу кадано е време,

На неб' было те вѣке големе,
 И крива е твоя паметь побро.
 Ђрѣ нестои на свомъ мѣсту добро! —

Иованъ Илиъ Ресничанинъ.

УМИРУЊИЙ ОТАЦЪ.

Сунце е већ давно зашло было, и после жаркога дана слѣдовало е прекрасно вече. У то доба гледаше добродушный сеоскѣи свештеникъ крозь прозоръ свое лѣтне кућице, подкрѣплявајући старе и изнемогле прси свѣжамъ вечернимъ воздухомъ. Не далеко одъ себе угледа некогъ младогъ човека, управъ къ нѣму идућа съ печалнымъ лицемъ и заплаканима очима; гледајући на нѣгову споляшность, морао бы помислити, да е тѣлесно здравъ, но да га некаква душевна боля узнемируе.

Назове ми добро вече, и маши се руди, говорѣћи: „Господине отче, можешъ ли поћи са мномъ до оближиѣгъ села? Отацъ ми лежи на самрти. Твой ће га разговоръ у последнимъ часу утѣшити.“

Свештеникъ пође за младиѣмъ; дошавши у село уђу у ѣдну малу низку кућицу. Умирућий старацъ лежаше на худой постельи и све остало показываше на найвећу сиротиню. „Господине, рече младый человекъ, наше е стаѣ савимъ поремеђено; но не збогъ наше кривице: томе е узрокъ болестъ мога родителя, мы бы се и последнѣ ствари драговољно одрекли, само кадъ бы ми бабо оздравѣо.“

Свештеникъ баци погледъ око себе; ништа болъ нѣ видѣо, осимъ брадѣе и тестере, коя е о зиду висѣла. Толика бѣда и сынъ клечећий предъ постельомъ умирућегъ отца, силно му трону ср-

це. Напослѣдакъ окрене се старцу и рече: „Буди юнакъ, добрый човече, и благодари Богу, што оставляшь овай свѣтъ, гди ниси ништа друго осимъ жалости уживаю.“ „Шта говорашь, отче, о жалости,“ одговори стараць слабымъ, али доста яснымъ гласомъ; „я самъ живію спокойно и задовољно и нигда се нисамъ тужио на мою судьбу. Докле самъ могао владати рукама и моіомъ брадвомъ и тестеромъ, дотле самъ съ радощу во мой заслуженый хлѣбъ. Болѣ нисамъ нигда желію. Радію самъ до умора, во самъ до ситости и спаваю самъ сладко и спокойно. Често самъ видію богатырце како живе, али я нисамъ нѣовой среѣи завидію; ерь самъ имаю прилику видити, да нѣи чешће болестъ походи, него насъ сиромыхе. Я самъ быю истина сиромыхъ, но весело и здравъ до мое прве болести, коя е може быти и последня. Ако ми Богъ поврати здравль, то ѣу опеть спокойно и радостно приступити къ послу, докле ме годъ не одзове благій Богъ.“

Свещеникъ помысли, да ѣе га извѣстіе о близкой смрти, коя човека одъ своію жалостій ослобођава, ублажити, и да ѣе му надежда на животъ вѣчный служити за утѣху у нѣговой патњи; и како види, да му се край живота приближуе, почне га по дужности на то приуговлявати.

„Я видимъ, да ти е патня мила была; но при свемъ томъ треба да се понизно подвргнешъ вољи Божіей.“

„Знамъ,“ продужи стараць, „да смо мы стари дужни учинити мѣсто младыма и небоимъ се смрти. Умѣю самъ живити, а умѣѣу и умерти. Осѣхамъ веѣъ, да ми се конаць приближуе.“

Добрый сынъ у жалости за отцемъ, поливаше свое младо лице потокомъ суза.

„О твоёмъ сыну,“ настави свещеникъ, „я ѣу бригу водити. Онъ ми се види прекрасанъ дѣчю.“

„Заиста господине отче, у нѣговимъ здравимъ рукама носи онъ богатый капиталъ, кон га неѣе довести до срама а особито съ Божіомъ и вашомъ помоћу.“

Затимъ скрети руке и погледи горе. У то време последньи зраци заходеѣга сунца падну прозь малый прозоръ куѣнце на лице умируѣга.

„Господъ зове!“ рече усиљнымъ гласомъ. „Юшть єдномъ мой благословъ, любезно дѣте.“

Подигне руку, но она му одъ немоѣи опеть клоне; неутѣшний сынъ узме ю обѣручке, и принесе къ нѣой свое сузама поливено лице.

Кадъ е принео лице, веѣъ му се отчина душа съ тѣломъ разстала, но юшть е заостаю изражай небеснога спокойства на нѣговоме бледоме лицу.

Сынъ загли драгоцѣне остатке свога родителя, умиваюѣи ѣи сузама.

Свещеникъ пораженъ овимъ трогателнымъ позоріемъ, стаяше као окаменѣль.

Онъ е живію као мудраць, рече самъ у себя, и умро е као правый христіанинъ! При свемъ томъ, быю е може быти у животу презрѣнь одъ богаты, кои се незнаю ползовати животомъ, но при разстанку одъ нѣга падаю у очаянь.

Євтіяміе Аврамовиѣъ.

ПРОСІЯКЪ.

Пре краткога времена купце нетко дрѣхуѣомъ рукомъ у вароши Ф— на врати єдне сироте, болестне удовице; болестна жена викне: „унутра“. Єданъ истина просто ал' чисто обученъ человекъ са изнемоглымъ одъ туге лицемъ отвори врата и сасвимъ смиреннымъ гласомъ, да се єдва чути могло, запроси милостиню.

Удовица како сиротиньомъ, тако и своіомъ дугомъ болесчу погружена, уздане дубоко и прослови: „Боже мой, и сама ништа немамъ, а шта ѣу другомъ да дадемъ?“ — Просіякъ се окрене, отиде, и сасвимъ полагаю затвори врата.

После неколико сатій закуца опеть нетко на врата, сирота болестница дигне се, слабымъ гласомъ викне: „унутра“ и истый онай человекъ появи се опеть; „ахъ за име Божіе! та немогу вамъ ништа дати, ерь и сама ништа немамъ.“

Просіякъ полагаю приступи, и мучеѣи на столу, кон е стою поредъ кривета болестнице, изпразни свое ѣепове, кои су хлѣбомъ напуѣни были, а придода и нешто сятны новаца одъ разне вредности, затимъ са сузнимъ очима и рукомъ на столъ показуюѣи проговори: „то е за васъ!“ на се брзо удали изъ себе, нечекаюѣи благодарность.

Овай человекъ быю е заиста редкій примѣръ благороднога човека! —

Н. Н.

О СМРТИ И ГРОБУ.

(съ Гръкогъ.)

1. Благородной и храброй души све су природне ствари красне, па и тай важный последній часъ преминѣна.
2. Тай е часъ преображеня, разрѣшенія и одлазка къ божественымъ духовима.
3. Тѣло ти почива у нѣдру матере землѣ, и на нѣой niche цвѣће и зелениште. Оно мало по мало трулеѣна постае прахомъ, и савѣднѣва се умилно съ нѣговомъ природомъ.
4. Претужно срѣце са свима бригама и суетнимъ желѣма преминуе, а великій и слободный духъ одлази нагло отцу свѣтлости, ступа у редъ духова, гди се више никакова тама, и никакова ноѣ не находит!
5. Ето! како свашта почива у безкрайности! како тихо пролазе облаци, и како тихо сѣя сунце!
6. Великій и вѣчный отаць, као изворъ непрекидне и неоцѣниме любви, у среди нѣи находити се, задоволява и утѣшава све, и никакъ се поредъ нѣга гробъ не находит.
7. Блажени почивши! Нѣима више никакъ боль недосаѣуе! И ако ти боренѣ недобые истога дана конаць, ипакъ време пролази, и часъ се престанка приближуе! И чимъ заспишь, престае и последній боль!
8. Да, страсти твоѣ добыаю чудно конаць! У путу разстанка прѣма те тишина, а дана припеке прѣма вечерней умилный часъ.
9. Али немой сравнявати смръть праведногъ са смръфу грѣшника.
10. Читао си више пута о едномъ или другомъ, да е мирно сматрао смръть, и да е предао душу спокойно. Па мысляшь да бы и ты сматрао исту съ таковымъ равнодушїемъ, кадъ ти напрасно доѣе?
11. Али у овомъ се свѣту юшть нѣ одкрило, шта е мучило внутреность човека, прѣмда се споляшность мирна показываше.
12. Та е нѣгова мирноѣна вальда была само последнѣ дѣйство драме неке среѣбно изпадше, или тупость старости, или слабость нека духа, кое се чиняше сматраюѣима као спокойно предаваѣн духа нѣдру смрти.
13. Колико е неизмѣрима величественость блаженства, толико е смртно средоточїе осуѣненя.

14. Неизмѣрима вѣчитость, коя непознае почетаць и конаць, есть найвеѣй и найхрабрїи благословъ човеку; а кадъ оваѣ злоупотреблява животь, онда найвеѣна клетва.

15. Немой прѣлазити у друго обилиште съ тежкимъ и горкимъ грѣховима! Ерь е немогуѣе да получишь усаѣненѣ безсмрти! И почему си могао да се тога посредствомъ добродѣтели удостоишь, постаешь вѣчито несреѣнымъ збогъ твоѣ грѣхова.

16. Вѣчитость! О, шта е вѣчитость? коя тако покорава, узколебава и устручава человекъ гордый умъ?

17. Човечїй духъ може разсудити свако ограничено теченїе и опредѣлительно време, ма колико была она неизброена, али вѣчитость е преко тога више, и преудалѣна одъ човечїегъ ума!

18. Она неимаюѣи почетка, неможе ни конца имати. Нѣна неизмѣримость неможе ни да се умножи, нити да се раздѣли, нити пакъ да їой се дода. Покушай да што одъ нѣ одбїеешь, па ћешъ у пуной мѣри познати, да се суетно трудишь.

19. Одби одъ нѣ миллионе, додаѣ їой толико времена, колико можешъ себи представити, ипакъ она остае у цѣлости и неумалѣна, као што е и пре была. Дакле свакой ти е помысао безполезанъ и суетанъ.

20. Помысли дублѣ о нѣой, па ћешъ се збунити, и познатѣешъ, да ти се мозакъ збунава одъ некогъ претежкогъ бремена.

21. Познатѣешъ едномъ, да ти мысао прѣступа границу, и да е немогуѣе да упозна створенїе свогъ створителя. Дакле осѣнашь изъ дубльїне, да си се чувствомъ суете поворию, осѣнашь, велимъ, неописану величественость Божества. Знаѣ дакле, да е человекъ теченїе времена, а вѣчитость Богъ!

Стерїя М Юва.

ГРѢШНЫЙ МОНАХЪ.

Некой монахъ, путуюѣи по Скитїи пустыньї Египетской, прочуе, да се тамо едѣнъ лѣваръ налази, кога намѣри посѣтити; кадъ га посѣти, запыта га лѣваръ: „Чѣга си ради овамо дошо нашъ добрый брате?“ На кое му монахъ одговори: „Я самъ дошо да те пытамъ, имашъ ли ты

таковы трава, коима бы се одъ многи грѣхова излѣчити мого? „На кое му лѣкаръ одговори, да има, и каже му: „Иди, па узми корень духовнога божества, стабло цѣломудрія, гране трпѣнія, лишѣе молитава, и цвѣтъ смиренія; ово све смѣшай, студи у ступи послушанія, метни у лонацъ добре савѣсти, наспи водомъ суза твои, и поклопи любви къ Богу и ближнѣму твою, па онда постави тай лонацъ на треножацъ (сацакъ) вѣре, и пропери пламень божественне желѣ; па кадъ се добро скува, онда изаспи све то у чашу рассушенія, причести се кашикомъ покаянія, и обриши се марамомъ изповѣданія, и тако ћешъ се очистити одъ многи твои грѣхова!“ Монахъ примивши овај лѣкъ за нѣгову душевну болестъ, благодари лѣкару, и съ тымъ се разстану.

Н. С.

А Ф О Р И З А М Ъ.

Нова е година мостъ, кои насъ одъ дана рођеня води къ дану смрти; на овај мостъ ступамо као весели безбрижни младићи, а остављамо га као згурени старци; животомъ платямо царину на мосту.

БЛАГЕ ЖЕЛѢ ЗА ГОДИНУ 1847.

П Р И Я Т Е Л Ъ И М А И Н Е П Р И Я Т Е Л Ъ И М А.

Желимо свакој женској, коя јошть неноси на руди зматанъ прстенъ, мужа, кои е богатъ и добрага срца.

Желимо свакомъ младоженѣи вредну домаћицу еа добрымъ мирозомъ, а покрај тога и безъ — кућевнога пріятеля!

Желимо свакомъ фашангскомъ юнаку цѣло художество галванопластикѣ, или даръ, у фашанге последню кошуљу позлатити.

Желимо свакомъ лакомысленику, кои се радо задужуе, какавъ подашний домъ, баремъ заложный.

Желимо свакомъ лѣкару — дуговѣчне паціенте; пуна гробля, и за дванаестъ мѣсециј преко године еасвимъ маюшне колерице.

Желимо свакоме адвокату, да се люди посвађаю, па да они доста посла имаю.

Желимо свыма практикантима много отворены званія и добре чизме — да могу свой карѣръ прећи.

Желимо свакомъ оратору бржу рѣку бесѣде, ал' никада реуматическу влагу у зубма, кадъ до говора дође.

Желимо свакомъ Французу за Dejeuner à la fourchette свога Abd-el-Kader fricassé.

Желимо свакомъ Србину, да оно задржи, што е увѣкъ притяжавао, вѣрность, отечестволюбіе, поштењ — и искрено срце.

Желимо најпосле баремъ одну хиляду пренумеранта на новине наше, учреднику нашемъ неколвко ревностны садѣлателя, любовь, участіе и пріяельско мышлѣнѣ свою нѣговы госпode колега.

Р. С. Т.

Е П И Г Р А М Ъ.

Ружа са дѣвкомъ
Сродна е увѣкъ,
Обе с' за шалу,
Обе с' за любовь.

Нѣгуй ружицу,
Венут' ќе опетъ;
Люби дѣвицу,
Брзо се мѣня.

Зато е дѣвка
Сродна са ружомъ;
Обе с' за шалу,
Обе с' за любовь.

А. Н.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАГОНЕТКѢ.

(Види № Подунѣвке.)

Свѣћа. Бръ е силна и пуни собу зато, што такову свѣтлость има кадъ гори, да нѣомъ пуни собу напуни вида; а величествена е и важна опетъ зато, што маломъ своіомъ цѣномъ толку велику поможь и угодность свѣту чини.

Т. В.

Учредникъ Милошъ Поповић.

Издано и печатано у Правителственој Књигопечатни у Београду.